

Commentarii

Статьи

**Филии и фобии:
ЭМОЦИИ СЛАВЯНСКОГО МИРА**

УДК 94(427.2); ББК 63.3(4Бл); DOI 10.21638/11701/spbu19.2016.201

Д. И. Польшанский

БОЛГАРЫ И СЛАВЯНЕ СРЕДИ ВРАГОВ И «ДРУЗЕЙ» ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В VI–IX ВВ.

Феномены средневекового общественного сознания, связанные с негативными и позитивными отношениями к иным этносам и политиям, чаще изучались историками на уровне казуальных штудий, нежели становились объектом концептуальных исследований. Кроме этого, больше внимания уделялось политической институционализации фобий и «филий», чем их структуре и генезису. В современной мировой историографии раннего восточноевропейского Средневековья данная проблематика вписывается в направление истории идентичностей, которое сложилось в трудах Венской школы этнополитических исследований поздней античности и раннего европейского Средневековья (В. Поль, Х. Вольфрам и др.), а также ее американских последователей, прежде всего П. Гири и Ф. Курты¹. Достижения этого направления несомненны, однако противопо-

¹ См.: *Kasperski R. Ethnicity, ethnogenesis and the Vandals: some remarks on a theory of emergence of the Barbarian gens // АРН. 2015. Vol. 112. P. 201–241.*

© С.-Петербург. гос. ун-т, 2016; © Д. И. Польшанский, 2016

ставление «теорий идентичности» «теориям этногенеза» нередко превращается в игру с нулевой суммой. На наш взгляд, как реальное взаимодействие сообществ и политий, так и изменявшиеся в его ходе взаимные представления являются неотъемлемыми составляющими формирования этнополитического ландшафта Центральной и Юго-Восточной Европы. Если понятия «германский» или «славянский» мир определенно принадлежат «миру» гуманитарных абстракций, то позднеантичные и раннесредневековые представления о конфессионально-политических общностях зафиксированы в источниках вполне определенными манифестациями наряду со сведениями о реально существовавших институтах и практиках.

В настоящей работе рассматриваются взаимные представления и практики в общении язычников-болгар и славян с Византийской империей и друг с другом в связи с их переходом за Дунай, закреплением на Балканах, созданием и расширением болгарского государства в VII–IX вв., до принятия христианства князем Борисом-Михаилом в 863 г.

Фокус исследований Великого переселения народов, среди поздних участников которого оказались болгары и славяне, в современной научной литературе, как мы отметили выше, все более сдвигается с племенных миграций на процессы распространения в племенной среде социальных и культурных моделей, правовых обычаев, терминологии и языков позднего Рима и ранней Византии, а также наиболее продвинутых акторов этого процесса². Если на Западе Европы в сферу интересов исследователей попадают прежде всего варварские королевства, возникшие на территории, ранее подвластной Риму, то на европейском Юго-Востоке основные акценты ставятся в большей степени на истории этносов, нежели на истории политий³.

Это отвечает отличиям Востока формирующейся христианской Европы. Константинопольские василевсы, исходя из представлений о сменившем Римскую империю «Царстве Христа» («империи христиан»)⁴, следовали политике обращения варваров-язычников в христианство как промежуточного этапа их интеграции в общий имперский организм⁵. Однако и представления о протяженности и населении имперской ойкумены, и практика взаимоотношений империи с варварами не были неизменными. В эпоху Константина Великого (306–337), по словам Евсевия, «империя... спешила все племена привести к единению и согласию и... насколько возможно, коснуться пределов самой Ойкумены»⁶. Писатель, с одной стороны, уравнивал варваров-язычников с демонами, с другой — считал, что конфессиональная и политическая интериоризация варваров выводила их из этого состояния и делала, наряду с «эллинами», обитателями и под-

² Strategies of Identification. Ethnicity and Religion in Early Medieval Europe / Ed. by W. Pohl and G. Heydemann. Turnhout, 2013.

³ The Other Europe in the Middle Ages Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans / Ed. by F. Curta, R. Kovalev. Leiden; Boston, 2008.

⁴ «Царством Христовым» именуется Византию житие св. Константина-Кирилла Философа: «Наше царство не римское, а Христово» (Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. С. 81), «империей христиан» — «Хронография» Феофана (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII–IX вв.). М., 1995. С. 277.

⁵ См.: Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли сделать варвара христианином? М., 2003. С. 31–61, 73–114.

⁶ Евсевий Памфил. Жизнь Константина. М., 1998. С. 102.

данными империи-ойкумены, за пределами которой, таким образом, оставался мир остальных язычников-демонов.

Итоги войн Юстиниана (527–565) и Маврикия (582–602), походы аваров и славян на Константинополь, понесенные на Востоке поражения от Сасанидов привели к трансформации имперского ойкуменизма и к утверждению в византийской политической элите представлений об «ограниченной ойкумене», которые в дальнейшем стали основой обновленной имперской политики⁷ по отношению к варварам-язычникам. Формирование «ограниченной» ойкумены на византийском Западе в греческих источниках связывается с приходом на Дунай болгар, причем поселение Аспаруха на территории империи (681) и признание новой политики, образованной им на землях «ограниченной ойкумены», предстает завершением длительного процесса трансформации имперской власти в дунайском лимесе⁸. Со своей стороны, закрепление болгар на территории империи существенно повлияло как на формат контактов между Константинополем и «законными» соседями, так и на византийские представления о «других» и отношениях с ними.

Ко времени появления Аспаруха на границах империи в последней четверти VII в. болгары были уже широко известны на Востоке христианской Европы. Они упоминаются в списках «Христианской топографии» Козмы Индикоплова среди других народов, перечень которых пополнялся в течение всего Средневековья — «скифов, гирканов, герулов, элладцев, как и иллиров, далматов, готов, испанцев, ромеев и франков»⁹. В одном из греческих списков хроники Иоанна Малалы болгары отождествлены с Ахилловым войском мирмидонян, осаждавшим Трои: «Ахилл... вел собственное войско в три тысячи человек, называвшихся тогда мирмидонянами, а сейчас — болгарами»¹⁰. Это разъяснение перешло и в славянский перевод хроники Малалы, где помимо болгар среди участников Троянской войны оказались и гунны¹¹. Мирмидоняне в гомеровском эпосе, с одной стороны, предстают частью ахейского воинства, с другой — обозначают демоническое начало, «двойника-друга»¹². Вероятно, и болгары могли аналогичным образом, но в ином контексте, восприниматься как «двойники-враги».

Между потусторонним и земным мирами болгары и иные варвары помещаются и в других ранних свидетельствах. В кондаке на обновление константинопольского храма св. Софии (562 г.) автор призывает Богоматерь «сокрушить силу варваров»¹³, видимо, имея в виду поход кутригуров и славян на Константинополь четырьмя годами ранее.

⁷ Lounghis T. La théorie de l'oecumène limitée et la revision du Constitutum Constantini // Общото и специфичното в балканските култури до края на XIX век. Сборник в чест на проф. Василка Тъпкова-Заимова. София, 1999. P. 119–122.

⁸ О Болгарии как части «ограниченной ойкумены» см.: Vachkova V. Danube Bulgaria and Khazaria as part of the Byzantine *oikoumene* // The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans / Ed. by F. Curta, R. Kovalev. Leiden; Boston, 2008. P. 339–362.

⁹ Гръцки извори за българската история. Т. I. София, 1954. С. 196–197.

¹⁰ Гръцки извори за българската история. Т. II. София, 1958. С. 206.

¹¹ The Chronicle of John Malalas / Translation by E. Jenkins etc. Melbourne, 1986. P. 48.

¹² Брагинская Н. В. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 231–256.

¹³ Trypanis K. A. Fourteen Early Byzantine Canticles // Wiener Byzantinische Studien. 1968. Bd V. P. 139–147. — Автор благодарит В. В. Василика за указание на этот текст.

Иордан, писавший свою «Римскую историю» в Константинополе, упоминает, что болгары «стали известны из-за плохих последствий наших грехов»¹⁴, т. е. были насланы Богом в наказание грешников, материализованы из того же «мира демонов». В то же время в западных и в византийских источниках VI–IX вв. болгары чаще изображаются среди прочих военных противников и не связываются с гневом Божьим. Иордан упоминает «повседневный натиск болгар, антов и славян» на империю¹⁵. Та же тройка врагов империи фигурирует у Прокопия, который называет болгар «гуннами»¹⁶.

Двойственное отношение к пришельцам-варварам как к Божьей каре и к очередным врагам-пришельцам было присуще не только византийским авторам. Карфагенский епископ Кводвультдеус (434–454), апеллируя к Царству Божьему, говорит в своей проповеди «О варварском времени» о страхе перед варварами-вандалами как о повседневном земном обстоятельстве: «И какая радость будет там, где нет никакого страха!.. Всем владеть, будучи богатым без наживы, управляя без денег... царствуя без страха перед варварами... (sine metu barbarorum regnantem)»¹⁷. Кводвультдеус отмечал, что только язычники могут рассуждать, что «если бы приносились жертвы... если бы умилиствовали богов согласно обычаю, тогда бы этих несчастий, которые мы претерпеваем, или не случилось бы вовсе, или бы они уже закончились!»¹⁸ Если само выражение «metus barbarorum» можно счесть аллюзией античных «страхов перед врагами» — «галльского» и «Пунического»¹⁹, то определение этого страха в христианских категориях обозначало новый культурный феномен. В проповедях Кводвультдеуса употребляется и хрестоматийное выражение «бич Божий» (flagellum Dei). Его греческим аналогом (bareia mastia para Theou arhетен) характеризует переселение болгар за Дунай Феофилакт Охридский в житии 15-ти Тивериопольских мучеников, где имеется пространный экскурс об истории языческой Болгарии²⁰.

На фоне страха перед Божьими казнями за грехи «metus barbarorum» выводил его объект — болгар — в мир политических взаимоотношений и переставал быть фобией в этнопсихологическом смысле этого термина. Составляя один из факторов этнической идентификации, фобия как таковая производна от «смещенной агрессии» (displaced aggression), когда вина за внутренние проблемы сообщества возлагается на «других», в том числе воображаемых, и включает существенный элемент иррационального²¹.

¹⁴ Латински извори за българската история. Т. I. София, 1958. С. 337.

¹⁵ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1991. С. 127.

¹⁶ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 176–177, 209–210.

¹⁷ Opera Quodvultdeo Carthaginienſi episcopo tributa // Corpus Christianorum. Series Latina, T. LX. Vrepolis, 1976. P. 256.

¹⁸ Цит. по: *Копылов И. А.* Христианство и язычество в позднеантичной и вандальской Африке по данным проповедей. Доклад на XVI Сергеевских чтениях 30 января 2009 г. // URL: <http://lj.rossia.org/users/uuandalarius/6141.html?nc=10> (дата посещения — 15.09.2016).

¹⁹ См.: *Bellen H.* Metus Gallicus, metus Punicus: zum Furchtmotiv in der römischen Republik. Mainz, 1985.

²⁰ Гръцки извори за българската история. Т. IX. Ч. 2. София, 1994. С. 62.

²¹ См.: *Гудков Л. Д.* Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Информационный бюллетень мониторинга общественного мнения. 1996. № 5 (25). С. 24–25.

Наряду с этим в отдельных церковных текстах страх перед варварами приобретает отчетливые эсхатологические оттенки. Страхи конца света распространялись в Константинополе и азиатских владениях империи с середины VI в. на фоне потрясшего современников землетрясения 551 г., о чем свидетельствуют тексты Романа Сладкопевца, Иоанна Малалы и Иоанна Эфесского²². В спасении Константинополя от варваров в 626 г. византийцы увидели победу благодати, дарованной Городу Богоматерью, что несколько снизило их апокалиптический настрой. Напротив, с распространением толкований на Апокалипсис св. Андрея Кесарийского и пророчеств Псевдо-Мефодия Патарского в VII–VIII вв. новое звучание придается библейской легенде о Гоге и Магоге — «нечистых» народах, запертых Александром Македонским за «железными воротами». Прорыв этих народов в ойкумену должен был стать предвестием пришествия Антихриста²³. В латинский перевод Псевдо-Мефодия около VIII в. включено поучение: «И так предал нас Бог в руки варваров, ибо нарушили мы предписания Его»²⁴. Андрей Кесарийский отождествлял Гога и Магога с гуннами, которых считал самым многочисленным и воинственным народом на Земле²⁵. В сирийских текстах к Гогу и Магогу относят и болгар, и славян²⁶. Перечни «нечистых народов» и стран, которые станут их жертвами, изменялись со временем и в переводах сочинения Псевдо-Мефодия на другие языки раннехристианской Европы²⁷.

Наиболее пространный из византийских нарративов о поселении на Балканах болгар принадлежит хронике Феофана, где сообщение о переходе через Дунай Аспаруха предваряется рассказом о происхождении болгар. Как пишет Феофан: «Василевс Константин [IV Погонат (668–685)] узнал, что народ мерзкий и нечистый разбил лагерь по ту сторону Дуная в Огле и совершает набеги и разоряет лежащие близ Дуная земли, то есть находящуюся [в настоящее время] в их владении страну, тогда удерживаемую христианами». Потерпев военное поражение от «этого мерзкого и новоявленного племени», Константин, «уверовав, что случилось это с христианами по промыслу Божию, рассудил по-евангельски и заключил с ними мир»²⁸. В контексте предыдущих размышлений это свидетельство говорит о целенаправленной интериоризации болгар империей.

В трактате «О фемах», вышедшем из окружения императора Константина VII Порфирогенета (944–959), переход болгарам Дуная отнесен к правлению Маврикия (582–562), но суть сообщения близка экскурсу Феофана: «С тех пор, как богомерзкий

²² *Василик В. В.* Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках св. Романа Сладкопевца // Вестник Костромского университета. 2015. № 5. С. 8–12.

²³ См.: *Степанов Ц.* В очакване на края: европейски измерения ок. 950 – ок. 1200. София, 2016. С. 140–145.

²⁴ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. С. 120.

²⁵ *Св. Андрей Кесарийский.* Толкование на Апокалипсис св. Иоанна Богослова. М., 2000. С. 92–93.

²⁶ *Тълкова-Заимова В., Милтенова А.* Историко-апокалиптична книжнина във Византия и в средновековна България. София, 1996. С. 91.

²⁷ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского... С. 98–99.

²⁸ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1980. С. 62.

болгарский народ перешел реку Истр, сам император был вынужден из-за нашествий скифов и самих болгар низвести Фракию до статуса фемы и назначить в нее стратега». «С тех пор, — продолжает автор, — стало известным и их (болгар) имя, ибо до того их называли оногундурами»²⁹. Рассказ Льва Диакона объединяет несколько версий закрепления болгар в имперских владениях, добавляя рассказ о том, как Юстиниан II даровал болгарам землю за оказанную ему помощь в восстановлении на престоле³⁰. Аналогичное трактату Порфириогенета представление о появлении болгар в границах империи, также отнесенное к правлению Маврикия (582–602), отражено и в хронике Михаила Сирийца, возможно, основанной на более раннем тексте Иоанна Эфесского: «В это время три брата вышли из внутренней Скифии, ведя с собой тридцать тысяч... Когда они вышли на границу с ромеями, один из них, по имени Булгариос, взял десять тысяч человек и отделился от своих братьев... И он попросил Маврикия дать ему область, чтобы он поселился и стал союзником ромеев. Император дал ему Верхнюю и Внутреннюю Мезию и Дакию, во времена Анастасия бывшие цветущими землями, впоследствии опустошенные аvaraми. Они поселились там и стали стражей ромеев. Они были наречены ими болгарами»³¹.

В структуре упомянутых нарративов, не связанных общим источником, обращают на себя внимание повторяющиеся известия о заключении империей договора с пришельцами, даровании им земли и наречении их именем болгар, которые и составляют, на наш взгляд, некую формулу интериоризации варваров империей. Наречение болгар, разумеется, не стоит понимать буквально, т. к. сам этноним был известен с IV в., а контакты империи с болгарскими племенами к этому времени длились около двух столетий³². Однако в контексте процитированных сочинений тезис о наречении, по-видимому, отражал уверенность их авторов в том, что именно включение болгар в число соседей империи стало точкой нового отсчета их истории. В этом можно видеть аналогию выводу Ф. Курты, связавшего с византийской «регистрацией» утверждение этнонима «славяне»³³. «Наречение» могло означать признание болгар обитателями политического пространства империи и прекращение их «внешнего» по отношению к империи статуса.

Интеориоризация болгар империей получила и визуальную репрезентацию. В самом центре византийской столицы, на Хлебном рынке на центральной улице Константинополя — Месе, по сообщению анонимной константинопольской хроники VIII в., находилась статуя «болгарина» — с волом (или парой волов, как в сохранившихся музейных аналогах)³⁴. Семантика толкований данной статуи могла изменяться со временем, однако

²⁹ Гръцки извори за българската история. Т. V. София, 1964. С. 192, 193.

³⁰ Гръцки извори за българската история. Т. V. С. 252.

³¹ Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1168–1199). Éditée pour la première fois et traduit en français par J.-B. Chabot. T. II. Paris, 1901. P. 363–364.

³² Sophoulis P. Byzantium and Bulgaria. 775–831. Leiden; Boston, 2012. P. 105–107.

³³ Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700. Cambridge, 2001. P. 118–119, 344–346; см.: *Польвянный Д. И.* Славяне и болгары в восточноримском имперском пространстве: проблемы различия // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 59–63.

³⁴ *Дуйчев И.* Българско средновековие. Проучвания върху политическата и културната история на средновековна България. София, 1972. С. 247–249; ср.: *Вачкова В.* Белите полета в българската културна памет. София, 2010. С. 208–213.

факт фиксации образа болгарина в культурной памяти византийской столицы в VIII в. сам по себе важен в рамках проблемы взаимных представлений сторон.

Память о первом соглашении с болгарами как о точке отсчета разложения прежней системы власти на имперской периферии сохранилась в византийских хрониках на многие столетия. В Хронике Иоанна Скилицы (с дополнениями Георгия Кедрина) тезис о тяжелом поражении империи был сформулирован вполне отчетливо: «В 10-й год [правления Константина IV] болгары вторглись во Фракию. Император выступил против них, но ромеи потерпели поражение, и многие из них погибли. Император же, хотевший быть в мире со всеми, заключил договор с ними, и из-за его глупости христиан покрыл позор»³⁵. Не только в Именнике болгарских государей («И ПО ТОМЪ ПРИДЕ НА СТРАНЖ ДОУНАИА ИСПЕРИХЪ КЪНАЗЪ ТОЖДЕ И ДОСЕЛЕ»³⁶), но и в западном источнике — хронике Сигеберта из Жамплу («Abhinc regnum Vulgarum abnotandum est»³⁷) — факт заключения договора 681 г. прямо увязан с созданием болгарского государства.

Важно отметить еще один аспект первых «официальных» византийско-болгарских контактов. В имперский стереотип варваров, применявшийся в полной мере и к болгарам, входило представление о невозможности заключения с ними договоров и сохранения мирных отношений. Между тем именно договорные отношения создавали возможность преодоления фобий и институционализации противоположных отношений, в том числе и «филии» — дружбы. Обращает на себя внимание и то, что обвинения сторон в несоблюдении договорных обязательств в VIII–IX вв. становятся взаимными и зеркальными. В надписях болгарских государей трижды упоминаются нарушения обязательств империи — в надписи на скале с изображением всадника под Мадарским плато³⁸, надписях Маламира (831–836)³⁹ и Пресиана (836–852). Последняя надпись содержит поучение: «Христианам болгары сделали много хорошего, и христиане это забыли, но Бог видит»⁴⁰, практически идентичное характеристике болгар в Синаксарии константинопольской церкви IX в. как «неблагодарных и забывчивых»⁴¹. До принятия христианства в 863 г. болгарами были заключены с Константинополем как минимум пять двусторонних договоров, включавших заключение мира, установление согласия и дружбы (*symbaseis kai philias*), определение границ, возвращение беглецов и пр.⁴² Фрагментарная запись договора между Омуртагом (814–831) и Львом V Армянином (813–820), заключенного сроком на 30 лет, сохранилась в т. н. Сулейманкьойской надписи болгарского государя. Заключение этого договора сопровождалось клятвами обеих сторон как по христианскому, так и по языческому обычаю, что последующие византийские хронисты ставили в вину императору. По словам Продолжателя Феофана, на общей вере и неразрывной дружбе (*philia*) основывался последний договор языческой

³⁵ Гръцки извори за българската история. Т. VI. София, 1965. С. 213.

³⁶ Москов М. Именник на българските ханове (ново тълкуване). София, 1988. С. 20–21.

³⁷ Латински извори за българската история. Т. III. София, 1965. С. 42.

³⁸ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София, 1979. С. 93–94, 107–108.

³⁹ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 127–128.

⁴⁰ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 133–134.

⁴¹ Гръцки извори за българската история. Т. V. С. 287.

⁴² Божилков И. България и Дубровник, Договорът от 1253 г. София, 2010. С. 14–26.

Болгарии с Михаилом III и его матерью Феодорой, которым в 863 г. был установлен новый длительный мир с империей и предусмотрено крещение князя Бориса именем василевса.

Помимо дружбы, институализированной в договорах между болгарами и Константинополем, византийские хронисты упоминают о наличии в Болгарии «тайных друзей» (*philous kruptous*) ее беспощадного противника императора Константина V (741–775). Благодаря им василевс сумел сорвать поход болгар на славянскую Верзитию и нанести им поражение. Однако болгарский государь Телериг хитростью вызнал у императора имена «тайных друзей» и истребил их⁴³. В дальнейшем в болгаро-византийские договоры вошел пункт о взаимном возвращении политических беженцев, безусловно, еще более осложнивший положение «тайных друзей»⁴⁴.

Политическая институализация болгар как «друзей» империи зафиксирована в описании протокола константинопольского двора, составленном протоспафарием Филофеем в конце IX в. и воспроизведенном в трактате Константина Багрянородного «О церемониях»: «Друзья-агаряне (*Agaron philoi*) на трапезе помещаются на уровне патрициев и стратигов, причем восточные имеют преимущество перед западными... Друзья (*philoi*), которые приходят от гуннов, сиречь болгар, при приглашении к общему столу должны приглашаться четвертыми или пятыми с левой стороны, так как и они помещаются вместе с патрициями и стратегами»⁴⁵.

Интериоризация болгар византийским миром была необходимой предпосылкой их осознания как «внутреннего Другого», и в то же время выводила их за пределы традиционного противопоставления «внешним» варварам, вызывавшим страх и воспринимаемым как Божье наказание. Разумеется, и в этих условиях оппозиция «болгары-ромей» не исчезала, но приобретала новые коннотации. Так, надписи болгарских государей первой половины IX в., которые, судя по языку, выполнялись пленными либо попавшими в расширявшиеся владения болгар носителями греческого языка, называют византийцев «греками» (6 упоминаний), «христианами» (3) или «ромейями» (1), во всех случаях противопоставляя их болгарам⁴⁶. При этом все три оппозиции заданы византийским дискурсом, содержа при этом различные нюансы. В наиболее частом противопоставлении болгар «грекам», сохранявшем приоритет в течение всего времени болгаро-византийского общения, можно видеть «уравнивающий» смысл — на уровне этносов такое сопоставление не имело коннотаций конфессиональной инаковости (христиане – язычники) или политического и культурного превосходства (ромей – не-ромей).

Память о ранних болгаро-византийских отношениях сохранили и отдельные сочинения христианского времени. В двух текстах — «Видении Исаии пророка» (или Болгарской апокрифической летописи) и «Повести полезной о латинянах» — подчеркивается, что язычники-болгары «были всегда врагами Греческому царству на лета многие»⁴⁷.

⁴³ Гръцки извори за българската история. Т. III. София, 1960. С. 274; Т. V. С. 152.

⁴⁴ Ангелов Д. Въпросът за политическите емигранти в отношенията между Византия и средновековна България // Антична древност и средние века. 1973. Вып. 10. С. 112–115.

⁴⁵ Гръцки извори за българската история. Т. IV. София, 1961. С. 124; Т. V. С. 224.

⁴⁶ Бешевлиев В. Първобългарски надписи. С. 93, 116, 127, 133, 152, 164, 171, 201.

⁴⁷ Николов А. Повест полезна за латините. Паметник на средновековната славянска полемика срещу католицизма. София, 2011. С. 38.

Встречными прозвищами «Болгаробойца» и «Ромеобойца» были наделены в XII–XIII вв. император Василий II (976–1025) и болгарский царь Калоян (1197–1207)⁴⁸. Вселенский патриарх Матфей (1397–1410) назвал выходца из Болгарии митрополита Киприана (1375–1406) в адресованном ему письме с просьбой собрать деньги для обороны Константинополя от турок (ок. 1400) «ромеолюбивым» (*philorromaios*)⁴⁹ и пр.

Судьба славян в византийском дискурсе и политике была отлична от болгарской. Столкнувшись с мощным натиском славянских племен вначале на дунайском рубеже в правление Юстиниана (527–565), а затем с их нападениями в составе аварских войск, нападавших на империю во второй половине VI – первых десятилетиях VII в., Византия в дальнейшем имела дело с относительно небольшими славянскими объединениями. Разнообразие описаний и названий славян в источниках VII–IX вв. отражает дробление «полчищ» и «множеств», упоминаемых у Прокопия и Феофилакта Симокатты, на небольшие племенные образования, союзы племен и занятые ими территории. В «Чудесах св. Димитрия» (II собрание, повествующее о конце VII в.) «народ славян» предстает состоящим из множества племен — «драгувитов, сагудатов, велегезитов, ваюнитов, верзитов и других народов»⁵⁰.

По-иному, нежели у болгар, выглядит и роль Дуная в истории славян. Их ранние рейды VI – начала VII в. на имперские города и земли, вначале самостоятельные, а затем объединенные с аварами, заканчивались возвращением за Дунай с добычей и пленными. Если в походах на Фессалоники участвуют «полчища», «весь народ» или даже «все звериное племя славян», то в мирные годы живущие вблизи города св. Димитрия⁵¹ славяне составляют территориальные образования со своими названиями. Как здесь, так и на других подвластных Византии балканских территориях образуются т. н. Славинии со своими вождями, военной и политической структурой.

Возможно, к их оформлению были причастны имперские власти. Император Лев VI (866–912) в своей «Тактике» вспоминает, что в былые времена ромеи нападали на славян, пребывавших за Дунаем, чтобы заставить их перейти на южный берег и «склонить свои шеи под ярмо имперской власти»⁵². В условиях деградации фортификационной и административной системы империи в течение VII в. каждая из сторон могла оставаться при своих интересах, насколько это позволяло ситуационное соотношение сил. Как пишет Лев VI, славяне полагали, что «лучше терпеть насилие от князя своего племени (*archonton tis auton philis*), чем быть подвластными и подчиняться ромейской власти»⁵³. Возможно, с VII в. на этой ситуации сказались и последствия самой масштабной попытки империи использовать славян в войнах против арабов, предпринятой Юстинианом II и закончившейся полным крахом⁵⁴.

⁴⁸ *Nikolov A.* On Basil II's Cognomen «The Bulgar-slayer» // Европейский Югоизток през втората половина на X – началото на XI век. История и култура. София, 2015. С. 578–584.

⁴⁹ *Оболенский Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1999. С. 544.

⁵⁰ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 125.

⁵¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 102–103.

⁵² Гръцки извори за българската история. Т. IV. С. 172.

⁵³ Гръцки извори за българската история. Т. IV. С. 173.

⁵⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 281.

Отношения славян с болгарами, видимо, возникли задолго до того как болгары Аспаруха стали их «насельниками» на Дунае, по выражению русской Повести временных лет⁵⁵. Болгары и ранее привлекали славян для совместных рейдов в империю; возможно, что и с Аспарухом за Дунай переправились те, кому болгары стали «насельниками» еще на левом берегу⁵⁶. По свидетельству патриарха Никифора, «они (болгары) завладели и близлежащими народами славян и поставили одних из них охранять все, соседствующее с аварами, а других — стеречь все близкое к ромеям»⁵⁷. При Тервеле объединенное войско болгар и славян совершило поход на Константинополь в поддержку свергнутого василевса Юстиниана II⁵⁸, а в правление Телеца (762–765) военный союз (*symmachia*) болгар со славянами потерпел поражение в войне с Византией 763 г.⁵⁹ Хрестоматиен пример совместной ритуальной трапезы болгарских и славянских вельмож после победы над Никифором I в 811 г., причем один из ее возможных участников — славянских приближенных Крума (802–814) — Даргамир (вероятно, Драгомир) был направлен послом к новому императору Михаилу I⁶⁰. Из погребальной надписи времени Омуртага известен его вельможа «багатур багаин Славна»⁶¹. В то же время часть балканских Славиний не была связана с Болгарией договорными или данническими отношениями. Готовясь к большой войне с Византией в 812 г., Крум «нанял аваров и окрестные Славинии»⁶². В заключенном его преемником Омуртагом мирном договоре с империей (ок. 816 г.) Славинии были разделены на находящиеся под властью императора (они должны были вернуться в *status quo ante bellum*) и остальные, послевоенный статус которых трудно выяснить из-за фрагментарной сохранности надписи с текстом договора⁶³. Видимо, в связи с наличием «провизантийских» Славиний нужно рассматривать надпись Омуртага о строительстве на р. Тиче военного лагеря «против греков и славян»⁶⁴ в условиях уже действовавшего мирного договора.

В болгаро-византийских отношениях VIII–IX вв. славинии Восточных Балкан представлены и как военные союзники сторон, и как объекты их соперничества. Однако ко времени крещения Болгарии славяне, союзные Болгарии, уже не упоминаются как отдельная часть подданных болгарского государя, например, в ответах папы Николая I на вопросы Бориса-Михаила. При этом они сохранили язык и культурную самобытность, что с приходом в Болгарию учеников св. Константина-Кирилла и Мефодия сыграло важнейшую роль в формировании языка и идентичности нового христианского государства.

⁵⁵ О дискуссии относительно чтений «насельники» и «насилньики» см.: *Николов А.* Повест полезна за латините. С. 27–35.

⁵⁶ *Станилов С.* Славяните в Първото царство. Варна, 1986. С. 51–55.

⁵⁷ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 231.

⁵⁸ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. С. 281.

⁵⁹ *Komatina P.* The Slavs of the Mid-Danube Basin and the Bulgarian Expansion in the first half of the 9th c. // *Зборник радова Византолошког института.* 2010. Т. XLVII. Р. 56–82.

⁶⁰ Гръцки извори за българската история. Т. IV. С. 285.

⁶¹ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 220.

⁶² Гръцки извори за българска история. Т. IV. С. 13.

⁶³ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 164; *Sophoulis P.* Bulgaria... Р. 281–282.

⁶⁴ *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи. С. 201.

Проблема взаимных фобий и «филий» Византии и ее болгарских и славянских соседей лежит как в области взаимных представлений, так и в изменявшихся политических обстоятельствах и практиках. Что касается фобий византийцев в отношении болгар и славян, то они включали как новые реминисценции античных страхов перед врагами, так новые эсхатологические страхи. Фобии преодолевались как реальной, так и символической интериоризацией внешних противников, которые с этого времени воспринимались в политических контекстах как соседи, союзники, пусть ненадежные, или подданные. Установление договорных отношений позволяло давать им в определенных ситуациях статус «друзей», даже несмотря на религиозные различия. Этот переход из мира представлений в мир политики, разумеется, не освобождал отношения ромеев с «внутренними варварами» от взаимного влияния традиционных имиджей и их элементов, которые в случае с болгарами и интегрированными ими в свое государство славянами продолжали сохраняться и после принятия христианства. В свою очередь, отношения болгар и славян к Византии определялись не только политическими и военными вызовами, но и неизбежной аккультурацией в символическое пространство христианской империи, сопряженной с принятием предлагаемых Константинополем политических статусов и номинаций. Не вторгаясь в область современных актуализаций «страха перед варварами» как предтечи современной ксенофобии⁶⁵, заметим, что реминисценции древних «этнических» фобий в средневековых византийских и славянских текстах скорее сохранялись в форме литературной моды, нежели отражали состояние современных им общественных настроений.

Данные о статье

Автор: Польшанний, Дмитрий Игоревич — доктор исторических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, dipol53@mail.ru

Заголовок: Болгары и славяне среди врагов и «друзей» Византийской империи в VI–IX вв.

Резюме: В статье рассматриваются роль и динамика взаимных представлений в общении язычников-болгар и славян с Византийской империей и друг с другом в связи с их переходом за Дунай, закреплением на Балканах, созданием и расширением болгарского государства в VII–IX вв., до принятия христианства в 863 г. Фобии византийцев в отношении болгар и славян включали как реминисценции античных страхов перед врагами, так и новые эсхатологические страхи. Они преодолевались реальной и символической интериоризацией внешних противников, которые в политических контекстах воспринимались как военные противники, беспокойные соседи, ненадежные союзники, статусные «друзья» или непокорные подданные. Переход из мира представлений в мир политики, разумеется, не освобождал отношения ромеев с «внутренними варварами» от влияния традиционных имиджей и их элементов, которые в случае с болгарами и интегрированными ими в свое государство славянами продолжали сохраняться и после принятия христианства. В свою очередь, отношения болгар и славян к Византии определялись не только политическими и военными вызовами, но и аккультурацией в символическое пространство христианской империи, сопряженной с отношением к предлагаемым Константинополем статусам и номинациям. Болгаро-славянские отношения и представления о них формировались в основном на основе сотрудничества, начавшегося задолго до прихода Аспаруха на Балканы, и соперничества с Византией за балканские Славинии. Реминисценции древних «этнических» фобий в средневековых византийских и славянских текстах, тем не менее, сохранялись скорее в форме литературной моды, нежели отражали состояние современных им общественно-политических реалий.

Ключевые слова: Византия, болгары, славяне, отношения, фобии, представления

⁶⁵ *Todorov T. La peur des barbares. Paris, 2008.*

Литература, използвана в статия

- Ангелов, Димитър. Въпросът за политическите емигранти в отношенията между Византия и средновековна България // *Антична древност и средние века*. 1973. Вып. 10. С. 112–115.
- Бешевицев, Веселин. Първобългарски надписи. София: Издателство на Българската академия на науките, 1979. 234 с.
- Божилков, Иван. България и Дубровник, Договорът от 1253 г. София: ИК «Гутенберг», 2010. 140 с.
- Брагинская, Нина Владимировна. Кто такие мирмидонцы? // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Е. М. Мелетинского. Москва: Издательство РГГУ, 1993. С. 231–256.
- Обалик, Владимир Владимирович. Отражение стихийных бедствий и эпидемий VI века в кондаках св. Романа Сладкопевца // *Вестник Костромского университета*. 2015. № 5. С. 8–12.
- Вачкова, Веселина. Белите полета в българската културна памет. София: Военно издателство, 2010. 384 с.
- Гудков, Лев Дмитриевич. Этнические фобии в структуре национальной идентификации // Информационный бюллетень мониторинга общественного мнения. 1996. № 5 (25). С. 22–27.
- Дуйчев, Иван. Българско средновековие. Проучвания върху политическата и културната история на средновековна България. София: Издателство на БАН, 1972. 620 с.
- Иванов, Сергей Аркадьевич. Византийское миссионерство. Можно ли сделать варвара христианином? Москва: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
- Москов, Моско. Именник на българските ханове (ново тълкуване). София: Наука и изкуство, 1988. 368 с.
- Николов, Ангел. Повест полезна за латините. Паметник на средновековната славянска полемика срещу католицизма. София: ПАМ, 2011. 154 с.
- Оболенский, Дмитрий. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. Москва: Янус-К, 1999. 656 с.
- Польванний, Дмитрий Игоревич. Славяне и болгари в восточноримском имперском пространстве: проблемы различия // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). С. 59–63.
- Станилов, Станислав. Славяните в Първото царство. Варна: Книгоиздателство «Г. Бакалов», 1986. 118 с.
- Степанов, Цветелин. В очакване на края: европейски измерения ок. 950 – ок. 1200. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2016. 384 с.
- Търкова-Займова, Василка; Милтенова, Анисава. Историко-апокалиптична книжина във Византия и в средновековна България. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1996. 378 с.
- Чичуров, Игорь Сергеевич. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. Тексты. Перевод. Комментарий. Москва: Наука, 1980. 214 с.
- Bellen, Heinz. Metus Gallicus, metus Punicus: zum Furchtmotiv in der römischen Republik. Mainz: Akademie der Wissenschaften und der Literatur, 1985. 46 s.
- Curta, Florin. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 496 p.
- Kasperski, Rychard. Ethnicity, ethnogenesis and the Vandals: some remarks on a theory of emergence of the Barbarian gens // *Acta Poloniae Historica*. 2015. Vol. 112. P. 201–241.
- Komatina, Predrag. The Slavs of the Mid-Danube Basin and the Bulgarian Expansion in the first half of the 9th c. // *Зборник радова Византолошког института*. 2010. Т. XLVII. P. 56–82.
- Lounghis, Telemachos. La théorie de l'œcumène limitée et la revision du Constitutum Constantini // *Общото и специфичното в балканските култури до края на XIX век*. Сборник в чест на проф. Василка Търкова-Займова. София: ИК Гутенберг, 1999. P. 119–122.
- Nikolov, Angel. On Basil II's Cognomen «The Bulgar-slayer» // *Европейският Югоизток през втората половина на X – началото на XI век*. История и култура. София: Военно издателство, 2015. С. 578–584.
- Sophoulis, Panos. Byzantium and Bulgaria. 775–831. Leiden; Boston: Brill, 2012. 386 p.
- Todorov, Tzvetan. La peur des barbares. Paris: Robert Laffont, 2008. 320 p.
- Trypanis, Konstantinos. Fourteen Early Byzantine Canticles // *Wiener Byzantinische Studien*. 1968. Bd V. P. 139–147.
- Vachkova, Veselina. Danube Bulgaria and Khazaria as part of the Byzantine oikoumene // *The Other Europe in the Middle Ages*. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans. Ed. by F. Curta, R. Kovalev. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 339–362.

Information about the article

Author: Polyvyannyj, Dmitry Igorevich — Doctor in History, Professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, dipol53@mail.ru

Title: Bulgars and Slavs among enemies and «friends» of the Byzantine Empire in the 7th–9th cc.

Summary: The article considers role and dynamics of mutual images in the communication of Bulgars and Slavs with the Byzantine Empire and among themselves in connection with their migration across Danube, settlement in the Balkans, formation and enlargement of the Bulgarian state in the 7th–9th cc. The Byzantines' phobias towards Bulgars and Slav incorporated both the reminiscences of the ancient fears of enemies and new eschatological fears. They were being overcome by real and symbolic interiorization of the outer enemies, which in political contacts were perceived as military opponents and trouble-making neighbors, untrustworthy allies, friends by status or insubordinate subjects. Their transfer from the world of images to the world of politics obviously did not make the *Rhomeoi*'s relationships with the «inner barbarians» free from the impact of traditional images and their remnants, which in the case of the Bulgars and integrated into their state Slavs kept on existing after their conversion to Christianity. In their turn, the relations between the Bulgars and Slavs, on the one side, and Byzantium on the other, were determined not only by political and military challenges, but with their acculturation into the symbolic space of the Christian Empire conjugated with their attitudes to the statuses and nominations offered by Constantinople. The Bulgar-Slav relations and their symbolic expressions were shaped during their cooperation, which had begun long before the arrival of Asparuch to the Balkans, and in the course of the competition of the Bulgarian state with Byzantium for Balkan Slavinas. Nevertheless, the reminiscences of the ancient ethnic phobias in the mediaeval Byzantine and Slavonic texts existed more as literary fashion than as reflections of the current social and political realities.

Keywords: Byzantium, Bulgars, Slavs, relations, attitudes, phobia, images

References

- Angelov, Dimitur. Voprosut za politicheskite emigranti v otnošeniyata mezhdu Vizantiya i srednovekovna Bulgariya [The Issue of Political Emigrants in the relations between Byzantium and mediaeval Bulgaria], in *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and the Middle Ages]. 1973. Vol. 10. P. 112–115 (in Bulgarian).
- Bellen, Heinz. *Metus Gallicus, metus Punicus: zum Furchtmotiv in der römischen Republik* [Metus Gallicus, metus Punicus. To the Motive of Horror in the Roman Republic]. Mainz: «Akademie der Wissenschaften und der Literatur» Publ., 1985. 46 p. (in German).
- Beshevliev, Veselin. *Purvobulgarski nadpisi* [Protobulgarian Inscriptions]. Sofia: Izdatelstvo na Bulgarskata akademija na naukite (BAN), 1979. 234 p. (in Bulgarian).
- Bozhilov, Ivan. *Bulgariya i Dubrovnik, Dogovor ot 1253 g.* [Bulgaria and Dubrovnik. The Treaty of 1253]. Sofia: IK «Gutenberg» Publ., 2010. 140 p. (in Bulgarian).
- Braginskaya, Nina Vladimirovna. Kto takie mirmidoncy? [Who were the Mirmidoniads], in *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' semidesyatipyatiletiya E. M. Meletinskogo* [From myth to literature: Collection in honor of the 75th anniversary of E. M. Meletinsky]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 1993. P. 231–256 (in Russian).
- Chichurov, Igor' Sergeevich. *Vizantiyskie istoricheskie sochineniya: «Hronografiya» Feofana i «Breviariy» Nikifora. Teksty. Perevod. Kommentariy* [Byzantine Historical Works: The Chronography by Theophanes and The Breviarium by Nicephoros. Texts. Translation. Comments]. Moscow: «Nauka» Publ., 1980. 214 p. (in Russian).
- Curta, Florin. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region c. 500–700*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. 496 p.
- Dujchev, Ivan. *Bulgarsko srednovekovie. Prouchvaniya vurhu politicheskata i kulturnata istoriya na srednovekovna Bulgariya* [Bulgarian Middle Ages. Studies on the political and cultural history of mediaeval Bulgaria]. Sofia: Izdatelstvo na BAN, 1972. 620 p. (in Bulgarian).
- Gudkov, Lev Dmitrievich. Jetnicheskie fobii v strukture nacional'noy identifikacii [Ethnic phobias in the structure of the national identification], in *Informacionnyj byulleten' monitoringa obshhestvennogo mneniya* [Newsletter of monitoring of public opinion]. 1996. № 5 (25). P. 22–27 (in Russian).
- Ivanov, Sergey Arkad'evich. *Vizantiyskoe missionerstvo. Mozhno li sdelat' varvara hristianinom?* [Byzantine Missionary Activities. Can a Barbarian be turned into Christian?]. Moscow: «Languages of Slavic culture» Publ., 2003. 376 p. (in Russian).

- Kasperski, Rychard. Ethnicity, ethnogenesis and the Vandals: some remarks on a theory of emergence of the Barbarian gens, in *Acta Poloniae Historica*. 2015. Vol. 112. P. 201–241.
- Komatina, Predrag. The Slavs of the Mid-Danube Basin and the Bulgarian Expansion in the first half of the 9th c., in *Zbornik radova Vizantoloshkog instituta*. 2010. T. XLVII. P. 56–82.
- Lounghis, Telemachos. La théorie de l'oecumène limitée et la revision du Constitutum Constantini [The Theory of the Limited Oecumene and the revision of the Constitutum Constantini], in *Obshchoto i spetsifichnoto v balkanskite kulturi do kraya na XIX vek. Sbornik v chest na prof. Vasilka Tupkova-Zaimova*. Sofia: IK «Gutenberg» Publ., 1999. P. 119–122 (in French).
- Moskov, Mosko. *Imennik na bulgarskite khanove (novo tulkuvane) [The Namelist of the Bulgarian Khans (new interpretation)]*. Sofia: «Nauka i izkustvo» Publ., 1988. 368 p. (in Bulgarian).
- Nikolov, Angel. On Basil II's Cognomen «The Bulgar-slayer», in *Evropeiskiyat Yugoiztok prez vtorata polovina na X – nachaloto na XI vek. Istorija i kultura [South-Eastern Europe in the second half of the 10th – early 11th century. History and culture]*. Sofia: «Voenno izdatelstvo» Publ., 2015. P. 578–584.
- Nikolov, Angel. *Povest polezna za latinite. Pametnik na srednovekovnata slavyanska polemika sreshtu katolicizma [The useful tale on Latins. Monument of mediaeval Slavonic polemics against the Catholicism]*. Sofia: «PAM» Publ., 2011. 154 p. (in Bulgarian).
- Obolenskiy, Dmitriy. *Vizantiyskoe sodruzhestvo nacy. Shest' vizantiyskikh portretov [The Byzantine Commonwealth. Six Byzantine Portraits]*. Moscow: «Janus-K» Publ., 1999. 656 p. (in Russian).
- Polyvyannyj, Dmitriy Igorevich. Slavyane i bolgary v vostochnorimskom imperskom prostranstve: problemy razlicheniya [Slavs and Bulgars in the East Roman Imperial Area], in *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. № 2 (4). P. 59–63 (in Russian).
- Sophoulis, Panos. *Byzantium and Bulgaria. 775–831*. Leiden; Boston: «Brill» Publ., 2012. 386 p.
- Stanilov, Stanislav. *Slavyanite v Purvoto carstvo [The Slavs in the First Tsardom]*. Varna: «G. Bakalov» Publ., 1986. 118 p. (in Bulgarian).
- Stepanov, Cvetelin. *V ochakvane na kraya: evropeyski izmereniya ok. 950 – ok. 1200 [Expecting the End. The European Dimensions. About 950 – about 1200]*. Sofia: «Sv. Kliment Ohridski» University Press, 2016. 384 p. (in Bulgarian).
- Todorov, Tzvetan. *La peur des barbares [The Horror of Barbarians]*. Paris: «Robert Laffont» Publ., 2008. 320 p. (in French).
- Trypanis, Konstantinos. Fourteen Early Byzantine Canticles, in *Wiener Byzantinische Studien*. 1968. Bd V. P. 139–147.
- Tupkova-Zaimova, Vasilka; Miltenova, Anisava. *Istoriko-apokaliptichna knizhnina vuv Vizantiya i v srednovekovna Bulgariya [Historico-apocalyptic literature in Byzantium and Mediaeval Bulgaria]*. Sofia: «Sv. Kliment Ohridski» University Press, 1996. 378 p. (in Bulgarian).
- Vachkova, Veselina. *Belite poleta v bulgarskata kulturna pamet [The White Margins of the Bulgarian cultural memory]*. Sofia: «Voenno izdatelstvo» Publ., 2010. 384 p. (in Bulgarian).
- Vachkova, Veselina. Danube Bulgaria and Khazaria as part of the Byzantine oikoumene, in Curta, Florin (ed.). *The Other Europe in the Middle Ages. Avars, Bulgars, Khazars, and Cumans*. Leiden; Boston: «Brill» Publ., 2008. P. 339–362.
- Vasilik, Vladimir Vladimirovich. Otrazhenie stihiynykh bedstviy i epidemiy VI veka v kondakakh sv. Romana Sladkopevca [The Reflection of natural disasters and epidemics of the 6th c. in the kontakia by Romanos the Melode], in *Vestnik Kostromskogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]*. 2015. № 5. P. 8–12 (in Russian).